

На правах рукописи

Мубаракшина Анастасия Михайловна

**ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ «НРАВСТВЕННОСТЬ» В
РОМАНАХ СЕРГЕЯ МИНАЕВА**

10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Казань – 2016

Работа выполнена на кафедре русского языка и прикладной лингвистики федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Фаттахова Наиля Нурийхановна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой русского и татарского языков ФГБОУ ВПО
«Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева»
Габдреева Наталия Викторовна

кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка ФГБОУ ВПО
«Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова»
Чуева Эльвира Витальевна

Ведущая организация: ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет»

Защита состоится 14 апреля 2016 г. в 9.00 на заседании диссертационного совета Д 212.081.05 при ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» по адресу: 420021, г. Казань, ул. Татарстан, д. 2.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. Н.И. Лобачевского ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет». Электронная версия автореферата размещена на сайте ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (<http://www.kpfu.ru>) и на официальном сайте Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ (<http://vak.ed.gov.ru>).

Автореферат разослан «___» февраля 2016 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор филологических наук, доцент

И.В. Ерофеева

Общая характеристика работы

На современном этапе развития науки, придерживаясь рамок антропологической парадигмы, исследования все чаще проводят на стыке смежных дисциплин, в частности, лингвистики и культурологии. Как результат такой корреляции возникла и активно начала развиваться лингвокультурология, которая рассматривает язык в непосредственной связи с накопленными достижениями людей в области науки, техники, образования, искусства.

Идея данного научного направления созвучна с мнением В.И. Карасика, который полагает, что язык и культура – это важнейшие единицы гуманитарного знания. Социальная детерминированность языка кроется в том, что он существует в первую очередь в языковом мышлении – коллективном и личном. Значит, языковой коллектив, с одной стороны, и индивидуальная личность, с другой, выполняют функцию носителей культуры в языке¹.

Данная диссертационная работа посвящена исследованию одной из важнейших в лингвокультурологической парадигме многих народов категории «**нравственность**» и ее вербализации в идиостиле Сергея Минаева.

Романы-бестселлеры этого популярного современного писателя фиксируют в художественном пространстве значимые социально-политические изменения общества, морально-этические трансформации, происходящие в России, которые проецируются на языковое сознание современной языковой личности, так как художественные тексты имеют антропоцентрический характер и аккумулируют в себе, кроме сведений о действительности, еще и неповторимый индивидуальный мир эмоций, настроений, устремлений человека².

Актуальность выбранной темы обусловлена востребованностью обществом таких работ, которые акцентируют внимание на умении правильно интерпретировать коммуникативные установки современного писателя и констатируют его способность критиковать негативные поведенческие проявления людей в сюжетном развитии художественного текста. Исследования такого рода могут стать важным этапом в достижении нравственно ориентированных человеческих отношений и осознания значимости духовных идеалов в процессе формирования личности при взаимодействии языка, культуры и человека как непосредственного коммуниканта.

---

¹ Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002.

² Храпченко М.Б. Историческая поэтика: принципы исследования // М.Б. Храпченко. Познание литературы и искусства. Теория. Пути современного развития. М.: Наука, 1987. С. 328.

Объектом исследования в настоящей работе выступает ассоциативно-семантическое поле «**нравственность**» в идиостиле Сергея Минаева.

Предметом исследования является совокупность семантических и ассоциативных связей слов, вербально репрезентирующих сферу нравственно-моральных идеалов / антиидеалов современной языковой личности в романах автора.

Цель работы – рассмотреть особенности интерпретации категории «**нравственность**» в романах писателя-публициста новейшего времени на примере лексем-репрезентантов, всесторонний анализ которых позволит продемонстрировать окказиональные ассоциативные связи и семантические отношения, лежащие в основе мировидения носителя современного русского языка.

В соответствии с поставленной целью в исследовании выдвигаются и решаются следующие **задачи**:

1. Сконструировать ассоциативно-семантическое поле категории «**нравственность**» в современном русском языке (на базе результатов ассоциативного эксперимента).

2. Проанализировать парадигматические, синтагматические, эпидигматические связи лексем, вербализующих *нравственность* в художественном пространстве выбранных романов.

3. Смоделировать ассоциативно-семантическое поле «**нравственность**» в идиостиле Сергея Минаева.

4. Выявить различия между трактовкой основных составляющих категории «**нравственность**» в лексикографических источниках и индивидуально-авторской интерпретацией.

Для решения поставленных задач необходимо сформулировать **рабочую гипотезу**: в современном обществе трансформируются представления о категории «**нравственность**», а также о некоторых понятиях, непосредственно ее раскрывающих, что проецируется на языковое сознание носителей русского языка и отражается в художественных текстах популярных русских писателей новейшего времени.

Специфика цели и задач обусловила обращение к различным **методам лингвистического анализа**: дистрибутивному, компонентному и этимологическому; методу семантического поля, моделирования, обобщения, сопоставления; методу количественной статистики, интерпретационному и концептуальному анализам.

Основные источники исследования: лексика нравственно-морального содержания, полученная методом сплошной выборки из романов Сергея

Минаева; данные лингвистических словарей, словарей смежных наук; данные проведенного ассоциативного эксперимента.

Теоретическую основу исследования составили основные положения по: *когнитивной лингвистике* (Ю.Д. Апресян, А.С. Аскольдов, Н.С. Болотнова, С.Г. Воркачев, Е.С. Кубрякова, Д.С. Лихачев, З.Д. Попова, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин); *лингвокультурологии* (Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, В.И. Карасик, В.В. Колесов, В.А. Маслова, М.В. Пименова, Э. Сепир, В.Н. Телия, Н.Н. Фаттахова); *семантике и семасиологии* (Н.Ф. Алефиренко, И.А. Бодуэн де Куртенэ, В.А. Богородицкий, А.А. Залевская, Н.В. Крушевский, В.К. Харченко, Д.И. Шмелев); *коммуникативной стилистике художественного текста* (Г.И. Богин, Н.С. Болотнова, А.В. Болотнов, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, В.П. Григорьев, Ю.Н. Караулов).

Лексика нравственно-морального содержания уже попадала в поле зрения лингвистов (И.В. Бурнос, О.А. Ваниева, И.Р. Мокаева, В.В. Колесникова, О.В. Ситникова), однако на данный момент нет ни одной работы, в которой бы **нравственность** рассматривалась как многокомпонентная и сложноорганизованная категория, вербализованная в современном художественном тексте. Этот факт определяет **научную новизну** диссертации.

Теоретическая значимость исследования связана с тем, что наглядное моделирование семантического поля «*нравственность*» в текстах популярного писателя новейшего времени способствует дальнейшему развитию учения о **нравственности** как о лингвокультурологической категории. Кроме того, полученные обобщения позволяют расширить существующее представление о семантических, парадигматических и синтагматических возможностях современного русского языка.

Практическая значимость диссертации заключается в том, что ее результаты могут быть использованы при разработке спецкурсов по семасиологии, функциональной лексикологии, стилистике русского языка; в лексикографической практике при обновлении толкового словаря современного русского языка и словаря синонимов; в методической практике при разработке спецкурсов и спецдисциплин.

На защиту выносятся следующие положения работы:

1. Категория «**нравственность**» является основополагающей в лингвокультурологической парадигме русского народа, а способ ее вербальной репрезентации в художественных текстах популярного современного русскоязычного автора фиксирует нравственно-моральное состояние общества и тенденции к его трансформации.

2. Особенности вербализации категории «**нравственность**» в романах Сергея Минаева обусловлены значительным влиянием на русскую

ментальность христианской религии и советской идеологии. Ядром ассоциативно-семантического поля являются ключевые слова-репрезентанты *мораль* и *нравственность*. Центральными можно считать две лексические парадигмы: «душевные качества» и «правила поведения». На периферии находится лексика центральной части, реализующая вторичные семантические признаки, и окказиональные единицы.

3. В языковом сознании автора наблюдается недостаточная оформленность значения слова *нравственность*, что обуславливает низкую частотность его употребления и подбор многочисленных синонимов, актуализирующих конкретные дифференциальные семы: *духовность, милосердие, Бог, честность* и другие.

4. Разнообразные синтагматические реляции лексемы *духовный* (*духовный свет, духовный очаг, духовные тоннели, духовные ориентиры* и т.д.) дают основания полагать, что расширение синтагматики данного слова в скором времени приведет к сужению его парадигматики. В результате «размытости» его содержания активнее начнут функционировать более конкретные синонимы слова, например, *религиозность, набожность*.

5. Данные проведенного ассоциативного эксперимента и особенности индивидуально-авторской интерпретации *нравственности* в романах Сергея Минаева позволяют говорить о том, что лексический уровень языка быстрее и активнее всего реагирует на трансформации в нравственно-моральном состоянии современного общества, которые фиксируются современными художественными текстами, но объективно не успевают отражаться в лексикографических источниках.

Апробация результатов исследования была проведена на заседаниях кафедры русского языка и методики преподавания КФУ (2014, 2015); на международных, всероссийских и региональных научно-исследовательских конференциях (Казань 2012 – 2014, Киров 2014). По теме диссертации опубликовано 10 работ, 3 из которых в журналах, рекомендованных ВАК: «Филология и культура» (2013), «Вестник Томского государственного педагогического университета» (2014), «Вестник Вятского государственного гуманитарного университета» (2015).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, приложений и библиографического списка, состоящего из 189 источников. Текст диссертации изложен на 169 страницах.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** раскрывается актуальность исследуемой темы, формулируются цель и задачи работы, основные положения, выносимые на защиту, определяются предмет и объект работы, обосновывается выбор главных источников и методов изучаемого материала, отмечаются научная новизна, теоретическая и практическая значимость выполненной работы, даются сведения об апробации её результатов.

В **главе 1 «Теоретические основы изучения категории «нравственность» в идиостиле Сергея Минаева»** определены основные подходы и методы исследования категории «нравственность» в современном русском языке и в идиостиле популярного русскоязычного писателя новейшего времени. В результате сконструирована модель ассоциативного поля категории «нравственность» в современном русском языке на базе данных ассоциативного эксперимента.

В *параграфе 1.1. «Проблема изучения художественного концепта в рамках существующей научной парадигмы»* уточнена сущность художественного концепта (ХК), который аккумулирует в себе особенности языковой личности писателя, воплощает коммуникативную задачу литературного текста и «складывается» в числе прочих в оригинальную манеру автора. Отдельное внимание уделено основным типам художественных концептов, а также различным подходам к их структуризации.

Параграф 1.2. «Методика исследования художественного концепта «нравственность»» описывает взятую за основу работы методику анализа ассоциативного слоя ХК Болотновой Н.С., которая дополнена некоторыми приемами лингвистического анализа, в их числе: семный анализ ключевых слов-репрезентантов; проведение свободного ассоциативного эксперимента; анализ парадигматических, синтагматических и эпидигматических отношений слов; выделение оценочного слоя художественного концепта «нравственность». Подробно описано и обусловлено использование метода ассоциативно-семантического поля как одного из наиболее эффективных при анализе лексической системы языка и не ограниченного жесткими терминологическими рамками.

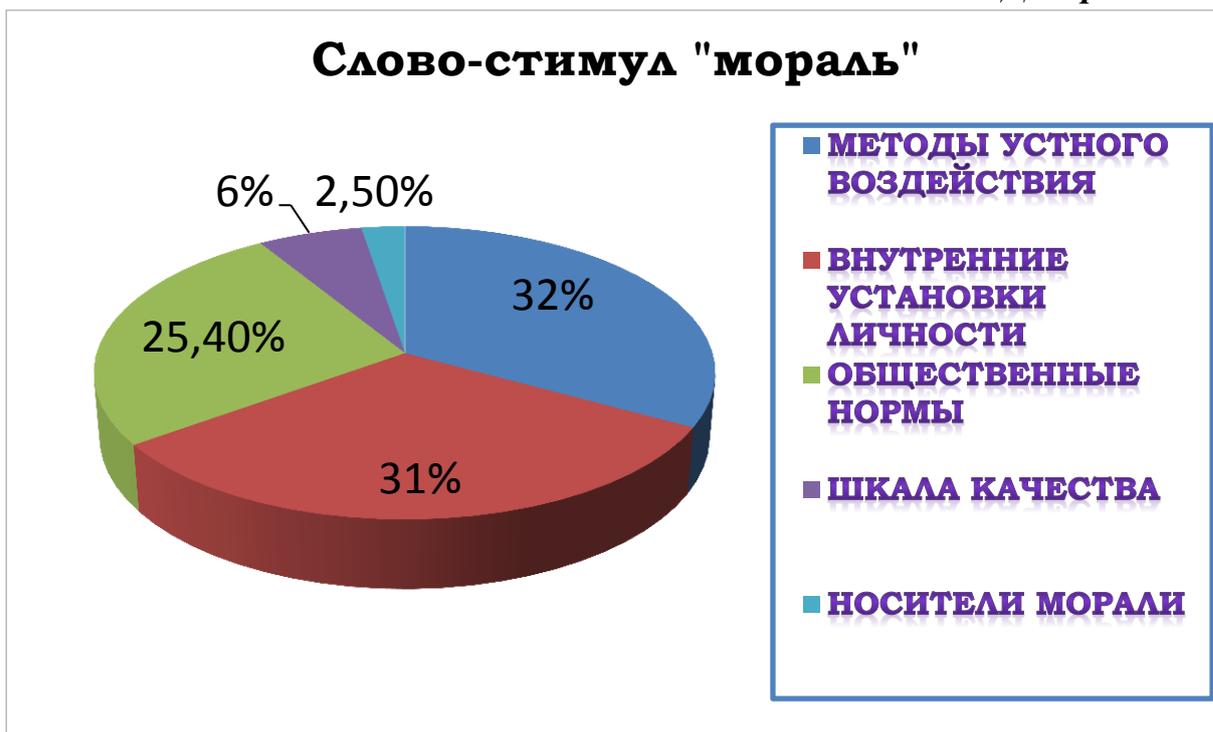
В *параграфе 1.3. «К вопросу о лингвистических и литературоведческих исследованиях идиостиля Сергея Минаева»* уточняется понятие «идиостиль», которое понимается нами как корпус концептуально важных для писателя, эстетически и коммуникативно детерминированных принципов построения текста, диктующих выбор и сочетаемость художественно-выразительных и языковых средств, стилистических приемов. Безусловно, в понятие

«идиостиль» также включается на фоне общезыковой коммуникативной структуры манера ассоциативно-смыслового развертывания художественного текста, определяющая его структуру, семантику, прагматику и эпидигматику. Идиостиль Сергея Минаева отражен в стиле его романов: «**Духless. Повесть о ненастоящем человеке**» (2008), «**ТНЕ Телки. Повесть о ненастоящей любви**» (2009), «**Videоты, или The Тёлки. Два года спустя**» (2010) и «**Р.А.Б. Антикризисный роман**» (2009). Кратко рассмотрена сюжетная линия каждого из них, приведен обзор отечественных и зарубежных исследований, в которых упоминаются данные произведения и личность самого Сергея Минаева.

Параграф 1.4. «Внетекстовый ассоциативный потенциал категории «нравственность» в современном русском языке» посвящен интерпретационному анализу ключевых слов-репрезентантов *нравственность* (1.4.1.) и *мораль* (1.4.2.) в этимологических, толковых, энциклопедических и других словарях. Сопоставление разных дефиниций позволило выявить принципиальное противоречие в трактовке лексемы *нравственность*: **в значении понятия «нравственность» фигурирует ссылка на общественные нормы поведения, моральный кодекс большинства без учета индивидуальной позиции, хотя их соблюдение вопреки личной воле (что вполне возможно) не способно считаться нравственными проявлениями.**

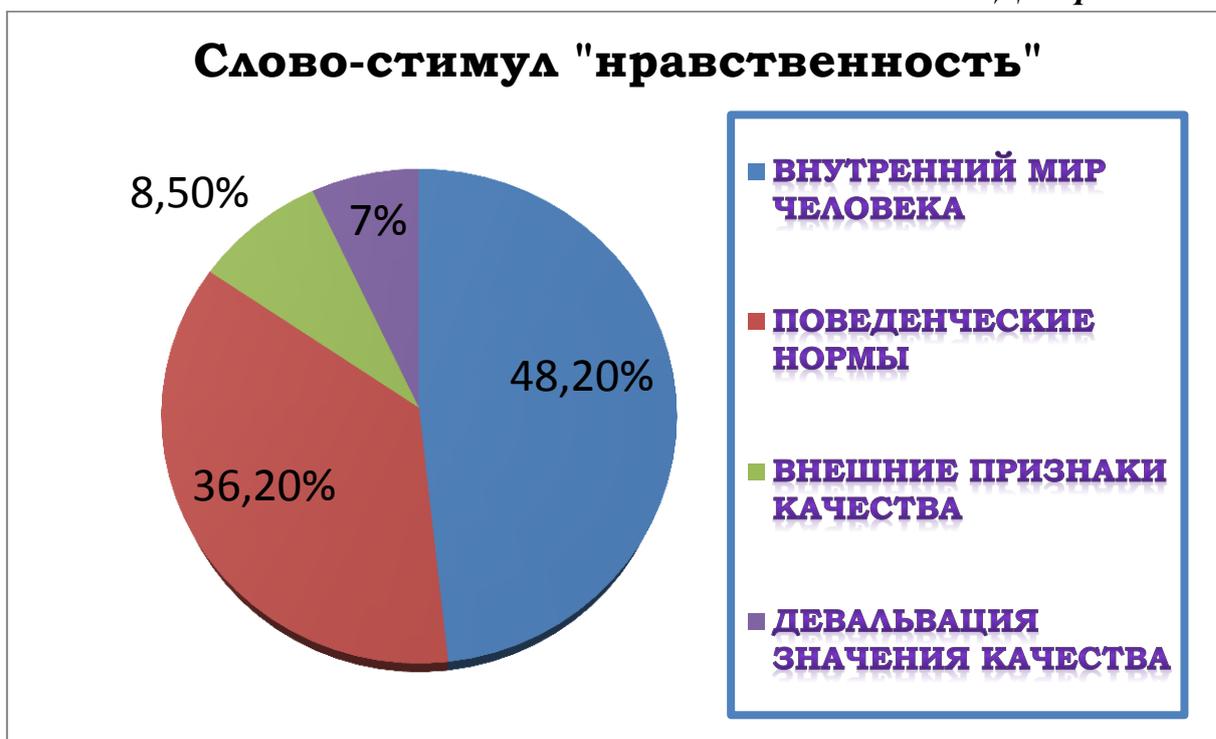
В параграфе 1.4.3. «Анализ данных ассоциативного эксперимента» систематизированы данные ассоциативного эксперимента, проведенного на базе ГАПОУ СПО «Казанский педагогический колледж», который является инновационной и экспериментальной площадкой Министерства образования и науки РТ. В эксперименте участвовали 200 студентов 4 курсов в возрасте 20-22 лет. В качестве слов-стимулов были предложены лексемы *мораль* (1.4.3.1.) и *нравственность* (1.4.3.2.) Всего реакций на стимул *мораль* оказалось 315, из них различных – 35, одиночных – 9, отказов не было. Реакции были распределены по тематическим группам, результаты оформлены в виде *диаграммы 1*. Тематические группы справа расположены в порядке убывания их процентной величины по отношению к общему количеству реакций.

Диаграмма 1.

Реакций на стимул *нравственность* оказалось 282: 27 различных и 4 одиночных. Отказа – 3. По принципу схожих семантических признаков полученные ответы так же распределены на следующие тематические группы, указанные в диаграмме 2.

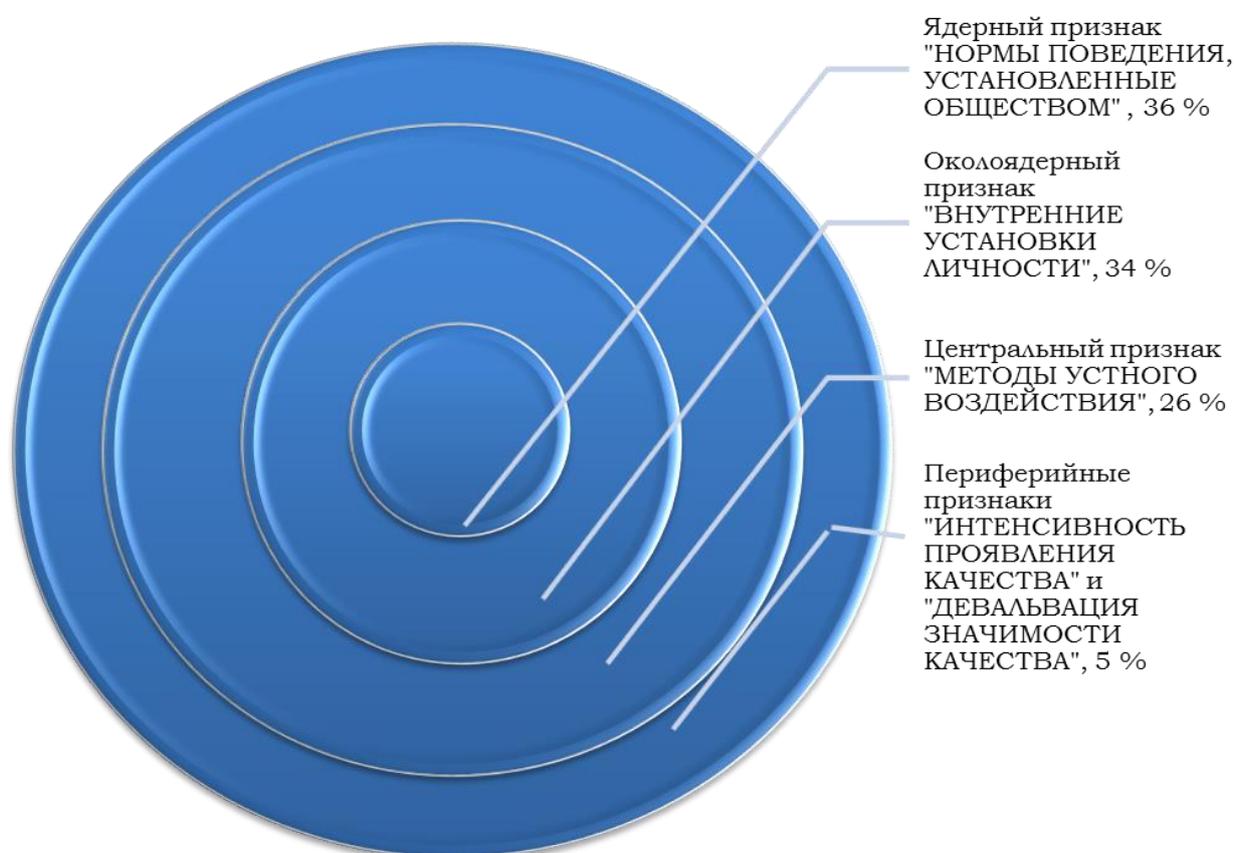
Диаграмма 2.

Таким образом, проведенный анализ ключевых слов-репрезентантов позволил сконструировать ассоциативное поле «**нравственность**» в следующем параграфе 1.4.3.3. «Ассоциативное поле категории «**нравственность**» с ключевыми словами **мораль** и **нравственность** в современном русском языке».

Систематизировав 597 реакций, мы выявили общие и дифференциальные семантические признаки обоих слов, которые стали основой для выделения структурных семантических компонентов категории «**нравственность**». Наглядно представить результаты можно на примере следующей модели.

Модель 1.

Сделаем акцент на важности для реципиентов **нравственных поведенческих** проявлений в иерархии семантических признаков. Количественные данные убедительно доказывают тот факт, что **нравственность** в современном русском языке в первую очередь воспринимается как соблюдение общественных норм и правил поведения и только потом как душевное качество личности. Большое значение также в структуре поля приобретает вторичный семантический признак лексемы

мораль, указывающий на вербальный процесс, в результате которого формируется нравственность в сознании человека.

Глава 2 «Ассоциативно-семантическое поле «нравственность» в романах Сергея Минаева» посвящена анализу различных семантических связей в рамках ассоциативно-семантического поля.

Параграф 2.1. «Парадигматические отношения лексем со значением «нравственность» иллюстрирует тезис М.М. Покровского о том, что слова и их лексические значения существуют не обособленно друг от друга, но объединяются в нашей душе, независимо от сознания нашего, в разные группы; для основания группировки можно взять сходство или противоположность по основному лексическому значению³.

Считаем важным отметить, что, согласно классификации А.А. Уфимцевой, основанной на разных степенях абстракции, лексика *нравственной* тематики относится к группе имен, выражающих в высшей степени обобщенное понятие признака, то есть является результатом изолирующей абстракции⁴. Именно поэтому категориально-грамматическое значение вербализующих категорию «**нравственность**» слов, с учетом абстрагирования, нейтрализуется: стираются понятийные различия свойств единиц, например, *нравственность, нравственный, нравственно*, следовательно, считаем возможным не акцентировать внимание на их частеречной принадлежности.

На первоначальном этапе в текстах романов Сергея Минаева было выявлено около 500 лексем *нравственной* тематики. Далее были отобраны те слова, в значении которых интегральной семой стала сема *нравственность*, определяемая как «внутренние, духовные качества, которыми руководствуется человек, этические нормы; правила поведения, определяемые этими качествами»⁵. Дифференциальные признаки распределяют лексем на две большие лексико-семантические группы, в которых: 1) содержится указание на **душевные качества**; 2) содержится указание на **правила поведения**.

Среди рассматриваемых лексических единиц первой группы можно выявить подпарадигмы двух степеней: одна в семантической структуре имеет дифференциальную сему «качество». Самая многочисленная лексема этой подгруппы – *искренность*. 31 контекст позволяет говорить о том, что данное чувство находится на вершине иерархии *нравственных* понятий в мироощущении Сергея Минаева: ... *ненавижу сидеть в публичном месте с*

³ Покровский М.М. Избранные работы по языкознанию. 1959. С. 82.

⁴ Уфимцева А.А. Типы словесных знаков [Текст] / А.А. Уфимцева. – 2-е изд., стер. – М., Едиториал УРСС, 2004. С.84.

⁵ Здесь и далее словарные значения лексем даются по: Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. Отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2008. – 1175 с.

плачущей телкой! С другой стороны – это ли не доказательство ее искренности?

Самая немногочисленная лексема *доброта* встретилась лишь раз: *Милосердие, доброта... это че, Будда, что ли, выходит?*

Автор не зря ассоциирует человеческое чувство и качество с божеством, которому они обязательным образом присущи, так как, в соответствии с классической буддийской доктриной, Буддой может считаться любое существо, познавшее истину и достигшее просветления. Соответственно, человек **нравственный** ассоциируется у Сергея Минаева практически с божеством, однако, соседство со словами *калмыцкое телевидение, визуальный образ, мен* указывает на самоиронию героя.

Анализ употребления в текстах словарных единиц парадигмы первой ступени (*искренность, достоинство, честность, добродетель, чистосердечие, доброта*) во всех случаях свидетельствует об их положительной коннотативной окраске, то есть они обозначают качества, заслуживающие одобрения.

Вторая подгруппа лексем имеет в качестве дифференциальной сему «чувство», которая определяется как «осознанное отношение к чему-нибудь; эмоция, переживание». Парадигма слов с данным значением является более многочисленной по сравнению с предыдущей описанной подгруппой. 35 раз встречается слово *уважение*. При употреблении лексемы писатель зачастую ставит под сомнение значимость понятия *уважение* и констатирует, что в некоторых случаях его денотат сродни денотату *лицемерия* («поведение, прикрывающее неискренность, злонамеренность притворным чистосердечием, добродетелью»). Примечательно, что контексты с этими двумя словами совпадают в количественном отношении: *УВАЖЕНИЕ, ВОСПИТАНИЕ и РОСТ. Мы уважаем наших Потребителей, мы воспитываем наших Потребителей, мы растем вместе с ними, а они растут вместе с нами.*

Текст звучит как мантра и скорее похож на надпись на агитационном плакате. Людей призывают культивировать в себе чувство *уважения*, что влечет за собой «всеобщее благо». В этом случае можно говорить о «триаде благополучия»: *уважение = воспитание = рост.*

Реже всего – трижды – встречается лексема *неблагодарность*.

Семантическая особенность лексем парадигмы второй подгруппы – возможность их классификации на: **положительные** (*достоинство, гордость, самолюбие, искренность, благодарность, добродетель, раскаяние*) и **отрицательные** (*гнев, неблагодарность, ненависть, самолюбование*).

С точки зрения смысловой принадлежности, вышеуказанные языковые единицы, представляющие парадигму «**душевные качества**», обозначают характеристики, которые могут быть применены по отношению:

1. К индивиду.

А так. Чтобы образ президента, например, выражал вселенское Добро, Милосердие и Близость к тебе.

Лексемы *добро, милосердие* в данном случае характеризует скорее не качество человека, а занимаемую им должность, неизменным атрибутом которой они должны являться.

2. К группе людей, образующих народность, национальность, государство.

Безусловно, любые установленные в обществе нормы и правила соответствуют позиции каждого, либо находятся в противоречии со взглядами отдельно взятого представителя социума, его духовным миром и внутренними установками. В рамках общественных правил у Сергея Минаева появляется идиома «*общественная совесть*», хотя понятие «*совесть*» трактуется как «чувство нравственной ответственности за свое поведение перед окружающими людьми, обществом», и в буквальном смысле сочетание «*общественная совесть*» означает «ответственность общества перед самим собой».

Таким образом, в интерпретации автора она приравнивается не к общему, а к общему в единичном воплощении, чем вполне объясняется ее употребление в следующем контексте: *Корю себя за то, что сорвался на Таню, но на нее злюсь еще больше, потому что терпеть не могу людей, которые берут на себя функцию общественной совести и начинают изъясняться допотопными, укоряющими штампами... Работников советской торговли отличает кристальная честность и высокая культура обслуживания населения.*

В последнем случае в очередной раз подчеркивается историческая эпоха, где *высокие моральные качества* были присущи всем гражданам и приравнивались к идеологии.

В новейшем времени коллективная **нравственность** может быть обусловлена корпоративным духом: *Судя по лицам моих коллег, полных неподдельного раскаяния и какого-то пионерского порыва все взять и тотчас же исправить, обвинительная речь подходит к концу.*

Встречаются контексты, где можно говорить о таком приеме, как персонификация, однако здесь вопрос о том, насколько он соответствует действительному взгляду писателя на вещи, выходит за пределы стилистики и относится к области мирозерцания вообще. Там, где автор верит в одушевленность названных качеств, они уже воспринимаются как одушевленные и такими изображаются: *Пока она исполняет арию обиженной добродетели, мы с Лехой понимающе переглядываемся.*

Иной раз качество не только олицетворяется, но и гиперболизируется: *Понимаешь, Даша, я не люблю тебя. Я люблю другую женщину. Прости. – Не человек, а сплошное чистосердечное признание...*

Стоит отметить, что персонификация касается не только положительно характеризующих качеств, но и отрицательно маркированных: *Ты все никак не определишься, кто родился вперед – ты или твое вечно уязвленное самолюбие!*

3. К целому миру.

А так. Чтобы образ президента, например, выражал вселенское Добро, Милосердие и Близость к тебе.

Существенный элемент лексического значения слов второй лексико-семантической группы выражается при помощи составного наименования **правила поведения**, значение которого можно раскрыть через значение слов, входящих в него. Отметим, что дифференциальной мы также считаем сему «отношение».

Самой частотной лексемой второй лексико-семантической группы является *лицемерие* (35) («поведение, прикрывающее неискренность, злонамеренность притворным чистосердечием, добродетелью»), которая может в полной мере охарактеризовать общественную атмосферу, где живут все герои Сергея Минаева. Однако люди настолько привыкли жить в такой среде, что уже не считают *лицемерие* чем-то антинравственным, некоторые контексты, наоборот, подчеркивают необходимость *лицемерного* поведения в современном социуме, оправданную целью достижения успеха: *Лицемерие и ханжество — вот истинные короли мира.*

Только по разу в романах встречаются лексемы *добропорядочность, неуважение, бесцеремонность.*

Как и в предыдущей группе, лексемы, указывающие на **правила поведения**, можно маркировать как «**положительные**», к которым относятся такие слова, как: *вежливость, внимание, галантность, добропорядочность, любезность, почет, тактичность*, так и «**отрицательные**»: *бесцеремонность, лицемерие, наглость, неуважение, оскорбление, презрение, порок, преступление, предательство.*

«Психологически реальные» значения словесных единиц исследуемой лексико-семантической группы далеко не во всех случаях соответствуют их «лексикографическим» значениям, указанным в современных словарях русского языка: благодаря текстовому окружению слово приобретает дополнительные оттенки, следовательно, реализует нетривиальные синтагматические потенции: *Все было так, как оно было, и прежними нам не стать, даже если напишем три тома автобиографии, кастрировавшей прошлые пороки.* Этот контекст является ярким примером проекции

авторского мироощущения на существующие в языке наименования понятий и явлений.

Тексты произведений, взятых для анализа, содержат многочисленные описания политиков, людей бизнеса и СМИ как российских, так и зарубежных, при этом лексемы, вербализующие антинравственность, чаще всего встречаются в том контексте, который касается зарубежных коллег героя романов. Иногда иностранцам приписываются высокие нравственные характеристики, но с оттенком иронии, как в описании коллеги-француза: *Когда попавшие в плен французы оставались в услужении у русских дворян учителями музыки, языка, танцев и хороших манер. Действительно, **раз он француз, то** всяко хорошо танцует, **знает манеры** и музыку.*

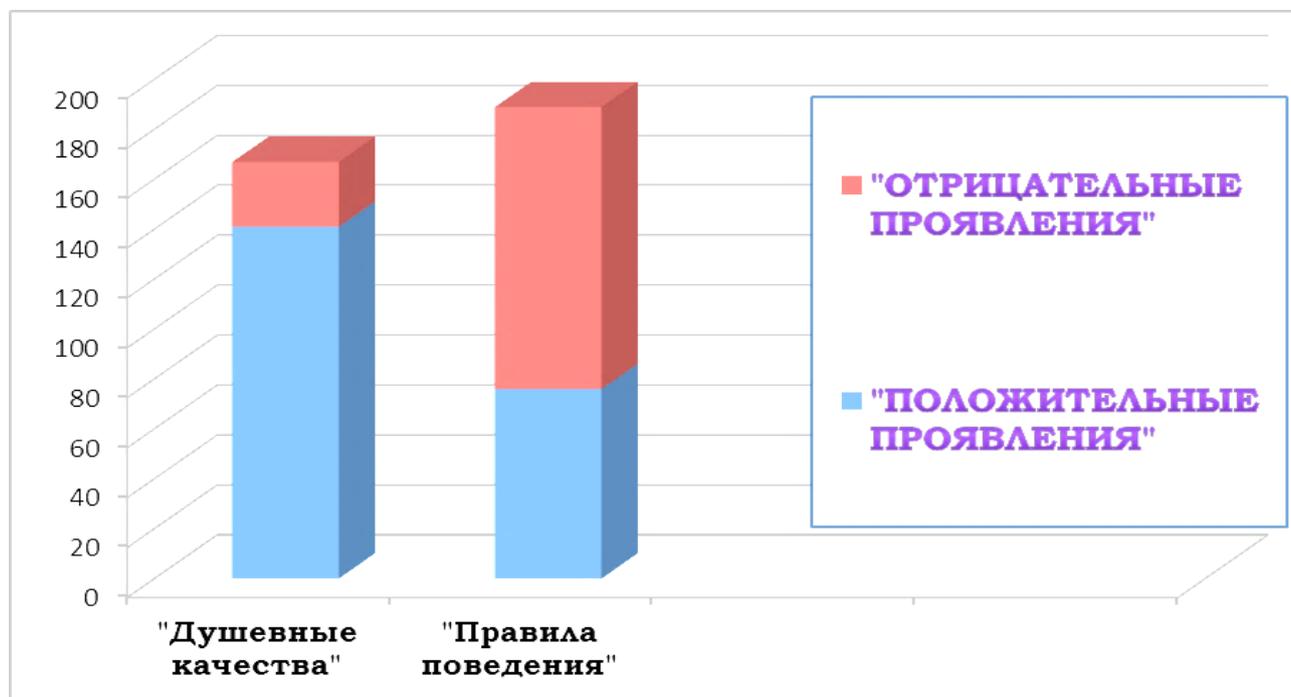
Небезынтересным стал тот факт, что лишь единожды встретилась лексема *безнравственность*. Ее лексическое значение не подвержено включению нового смыслового содержания в систему уже имеющегося, однако границы между понятиями **нравственность** и **безнравственность** становятся достаточно размытыми: *Действительно! Спать с женатым мужчиной можно, а позволять ему оставаться у тебя до четырех утра – **безнравственно!***

Дифференциация выбранных слов по признаку «положительный/отрицательный» легко осуществляется посредством анализа лексического значения, данного в различных словарях, однако этот метод применим не ко всем рассмотренным лексемам. Коннотации слов *манера* и *воспитание* не входят непосредственно в их толкование. Кроме того, в значении слов отсутствует четкое противопоставление по тем или иным семантическим признакам, что приводит к недостаточной информативности объема данных понятий. Конкретизировать их эмоционально-экспрессивную нагрузку возможно посредством распространителей-определений, например: *Те же жесты, те же улыбки, та же манера поведения. Та же **дурацкая манера** говорить словами — рекламными слоганами. Зачем умные люди старательно, день за днем делают из себя идиотов? Либо дополнений: *Как-то Боб смотрел религиозный канал, где шла речь о **воспитании у детей любви к Библии.****

Количественные подсчеты подтверждают, что лексико-семантическую группу «душевные качества» составляют **167** репрезентантов, из числа которых **141** единица вербализует положительные качества, **26** — отрицательные. Вторую лексико-семантическую группу «правила поведения» составляют **189** слов, **76** выражают соответствующие общепринятым нормам, положительные поведенческие проявления, **113** единиц вербализуют негативные, отрицательные поведенческие реакции. В процентном соотношении эти лексические группы выражаются как **47 %** («душевные

качества») к **53 %** («правила поведения»). Таким образом, внешние проявления нравственности имеют чуть большее значение в идиостиле Сергея Минаева, чем внутренний мир человека. В качестве наглядности предлагаем диаграмму 3.

Диаграмма 3.

В параграфе 2.2. «Синтагматические отношения лексем, вербализующих категорию «нравственность» рассмотрены характер и некоторые особенности внешних семантических связей лексем, находящихся на периферии ассоциативно-семантического поля «нравственность». За основу выделения синтагматических отношений в лексике нравственно-морального характера взяты постулаты, выдвинутые ведущими представителями Казанской лингвистической школы (И.А. Бодуэна де Куртенэ, Н.В. Крушевского, В.А. Богородицкого).

Действительное влияние речевого окружения на значение единиц *нравственной* тематики в текстах Сергея Минаева оказалось неоспоримым. Детерминированность смысла понятия текстовой рамкой прослеживается, например, в сочетании типа *чертова духовность*, где сталкиваются две лексемы с диаметрально противоположными значениями, одно из которых – «свойство души, состоящее в преобладании духовных, нравственных и интеллектуальных интересов над материальными», другое – «характеризующийся чрезмерной степенью какого-либо отрицательного свойства».

Атрибутивный распространитель, выраженный прилагательным, в процессе взаимовлияния слов меняет положительный коннотативный знак определяемого слова на отрицательный и мотивирует появление альтернативного варианта значения слова *духовность*, который, вероятно, можно интерпретировать как «свойство души, вызывающее отвращение, негативное отношение»: *И у меня полное чувство безысходности, которое не оправдывает даже **чертова духовность**, которую я как бы старался показать.*

С уверенностью можно говорить, что позиция слова определяет, которое из присущих ему значений актуализируется в конкретном сочетании так же, как и то, что в рамках одного значения многочисленные реляции слова неодинаковым образом преломляют его. Так, слово *дух* является краеугольным камнем в концепции романа «*Dyxless*» (что можно отметить уже в заглавии произведения). В текстах встречается 38 однокоренных слов с корнем – *дух* –, поэтому можно сказать, что их внешние семантические связи заслуживают большего внимания, чем остальные.

Рассмотрим подробнее структурные семы слова *дух*: «1. Душевные свойства человека, его сознание, мышление, психические способности; начало, определяющее поведение, действия. В здоровом теле здоровый дух. 2. Внутренняя моральная сила. Высокий боевой дух. 3. В религии и мифологии: бесплотное сверхъестественное существо. Святой дух. 4. Содержание, истинный смысл чего-нибудь. По духу закона». Разграничение всех представленных сем носит в языке закрепленный характер, основывающийся на оттенках смысла, развившихся в длительном процессе функционирования слова в языке. Однако процесс этот не стоит считать завершенным даже в пределах реализации уже зафиксированных семем, в которых еще наблюдается расслоение смыслов.

Лексема *духовный* встречается в разных именных сочетаниях, типа: *духовные диалоги: Пожалуй, он единственный из моих знакомых, общение с которым не строится вокруг обсуждения денег, баб, тусовки и бизнеса и лежит в плоскости **духовных диалогов**.* Слово *диалог* требует обязательного наличия собеседника, что определяет вербальность рассуждений. Кроме того, темы, осмысливаемые в *духовном монологе*, например, могут быть вовсе не связанными с *духовностью*, что для *духовных диалогов* является неременным условием.

Как правило, при создании характеристики героя автор часто прибегает к выражению *духовный мир*: *Или тем, что я стал добрее или снисходительнее, перестав заострять внимание на **небогатом девичьем духовном мире**.* Не в первый раз в романах Сергея Минаева актуализируется гендерный аспект

значения слова благодаря определению *девичий*, а лексема *небогатый* подчеркивает тот факт, что современные женщины не отличаются глубиной душевной организации. Так как слово *мир* здесь можно отнести к семантической группе лексем со значением «вместилище», то стоит отметить оттенок пространственности, который приобретает значение слова *дух* и который у лиц женского пола ограничен. Обыкновенно это проявляется и во внешнем облике: *Девушка Андрея — очень смешная особа. «Ты не подумай, это она только с виду такая пустая, а на самом деле очень духовная, — представлял он ее, когда та отходила в туалет».*

Словосочетание *духовное развитие* указывает на подвижность уровня интеллектуального и нравственно-морального потенциала личности: *Книги несут в себе две функции – социальную (свидетельствуют о твоём **духовном развитии**) и прикладную (на них удобно ставить пепельницу).* Здесь, рассуждая о развитии, нужно подразумевать такие полярные характеристики *духа*, как статика и динамика. Первая из них проявляется в постоянном *поиске духовности: И поиски «духовности», даже просто послушав тебя, продолжаются так уже века три. А воз, Миша, и ныне там.*

Сергей Минаев – москвич, но столицу и ее жителей он считает людьми, менее всех соприкасающимися с *духовностью*. Их жизненными принципами, как считает автор, перестали быть нравственные критерии, на смену им пришла установка на красивую жизнь, которую нужно достичь любой ценой: *Глядя на **бездуховные лица наших московских мумий**, мне так и хочется развесить им на груди таблички со слоганом: «ДУХLESS. БУДУ РАБОТАТЬ ЗА ЕДУ (И ШМОТКИ)».*

Оставшимся в светской жизни передовым постом, стоящим на страже соблюдения моральных норм, для писателя является Санкт-Петербург и его жители: *Не зря ведь Питер считается культурной столицей. Таким **форпостом духовности.***

По принципу метафоры построены выражения *духовная свеча, духовный свет, духовные очаги*, которые служат обозначением смежных понятий, связанных с сакральными ценностями. Подтверждением этому является символика света, заложенная напрямую или опосредованно в семантике определяемых слов: *свеча* («палочка из жирового вещества с фитилем внутри, предназначенная для освещения»), *свет* («тот или иной источник освещения»), *очаг* («устройство для разведения и поддержание огня»): *<...> заблудшую в мире фальши ову, тщательно укрывавшую огонь **духовной свечи** в складках пальто; <...> в поисках смысла человеческого существования, в поисках очищения души от материальной скверны, их жизнь озаряется невидимым*

*простому человеку **духовным светом**; <...> все персонажи вели абсолютно бесцельное существование, искали смысл жизни, **духовные очаги** и т.д.*

Встретившееся в тексте окказиональное словосочетание *духовные тоннели* нельзя с легкостью трактовать, как предыдущие. Смысл этого «союза» не складывается из сложения смыслов компонентов. Это объясняется тем, что в сознании носителя языка и в существующих толковых словарях понятие тоннель имеет одно значение – «сооружение в виде коридора, по которому проложены пути (под землей, в горах, под каким-нибудь другим сооружением)», что никак не связано с *духовностью*. Можно предположить, что у носителя русского языка «*духовные области*» расположены в глубинах подсознания: *Возможно, трава открывает **духовные тоннели** в моем мозге только в присутствии правильных людей.*

Нетрудно заметить, что «распределение» и характер актуализации сем неодинаковы. Сочетания *духовный свет, духовная свеча, духовные очаги* сопровождаются световыми оттенками; *духовные диалоги* подразумевают совместность действия и обязательную тематику разговоров, *духовное развитие, поиски духовности* указывают на динамику характеристик духа; *духовный мир, духовные ориентиры, духовное начало, духовные истоки* – вызывают представление о пространственных отношениях, *высокодуховные питейцы и бездуховные москвичи* – о социальном и территориальном детерминизме набора нравственно-моральных качеств личности, а *духовные тоннели* являются плодом своеобразного авторского мировосприятия, которое констатирует трансформацию парадигмы ценностей и представлений о них. Все это показывает, что даже в очевидных случаях равнозначности слова в определенных сочетаниях оно все-таки по-разному взаимодействует с другими компонентами этих сочетаний.

Самые оригинальные или даже противоестественные с позиций реальных вещественных отношений по смыслу словосочетания регулярно возникают в живой речи, оказываясь закономерно обусловленными в конкретных ситуациях. Яркими примерами в идиостиле Сергея Минаева могут служить сочетания, типа: *моральные язвы, моральный отстойник, пьяная искренность, благодарный мертвец.*

Намеренное употребление такого рода противоречивых смысловых комбинаций в тексте создает нужный автору стилистический эффект. В данном случае, безусловно, Сергей Минаев пытается обозначить процесс «девальвации» общественных и индивидуальных нравственно-моральных ценностей, которые вербализуются перечисленными лексемами.

В параграфе 2.3. «Авторские ассоциации ключевых слов-репрезентантов категории «нравственность» анализ употребления ключевых слов позволил

выявить авторские индивидуально-авторские ассоциации, мотивирующие дополнительные оттенки значения лексемы **нравственность**: а) **нравственность неразрывно связана с верой в высшие силы и христианскими добродетелями.** — *Зачем сначала идти работать главредом глянцевого журнала, а потом приниматься рассуждать о нравственности и о том, что ты «стала чаще думать о Боге, милосердии»?* [Минаев 2008: 125]; б) **нравственность – мерило духовности.** *Сидим и делаем высокодуховную передачу, соответствующую нашим нравственным критериям* [Там же: 46]! Данная лексема встретилась только трижды, причем ее смысловое наполнение каждый раз в некотором роде «размывается», накладывается негативная коннотация, как результат, неопределенная смысловая нагрузка лексемы **нравственность** приводит к ограничению сферы ее употребления, поэтому Сергей Минаев старается конкретизировать вербализующие **нравственность** понятия, иногда семантически близко не связанными с ней лексемами: *радость, пунктуальность, начальственная мудрость.*

Сужение синтагматики одного слова ведет к расширению синтагматики другого. Это касается, в частности, употребления лексемы **мораль**. В количественном отношении **мораль** и производные от корня встретились в анализируемых текстах 34 раза: с каждым последующим романом частота употребления увеличивается, соответственно, автор все чаще обращается к теме нравственно-морального состояния социума в целом и каждого его представителя в отдельности.

Большее количество текстового употребления лексемы **мораль** мотивирует большее количество оттенков значения: а) **мораль – нравоучение, нежелательное для объекта воздействия:** *Какого черта ты тут начинаешь мораль читать и учить меня, как тратишь деньги? Я без твоих соплей знаю, куда и на что тратить свое бабло, ты лучше с фотами подумай чего делать!* б) **чтение морали – преференция отца:** *Пару недель домашнего ареста, приезд отца, трехдневное чтение морали с непременно ... ; в) чтение морали – бездейственный процесс воспитания:* *Слушай, давай только без морали, а? Я у тебя совета спрашиваю как у друга, а мораль в другом месте послушаю. На работе, например; г) мораль – умозаключение, теряющее назидательность:* *Мораль — любая <...> может стать ведущей ток-шоу «Моя семья» (пропуск <...> содержит слово нецензурной лексики – прим. А.М.); д) мораль – стереотипы индивидуального мышления:* *А раз «типа того», то нечего смешивать собственную, типа, мораль с создаваемой нами картинкой.*

Говоря о второй лексеме, нельзя не отметить тот факт, что примерно 50% контекстов содержит идиому *читать мораль*, что говорит о безусловной смене

в иерархии семем семантической структуры лексемы *мораль*. Вторичные семантические признаки вытесняют первичные.

Таким образом, ядерная зона семантического поля категории **«нравственность»** в идиостиле Сергея Минаева организована асимметрично, так как объём ключевых слов в вербализации *нравственной* стороны внутреннего мира персонажей с положительной или отрицательной стороны неодинаков. Слова и сочетания слов, актуализирующие крайне пренебрежительное, неприязненное отношение к совершаемым героями поступкам, даже исключительно в пределах анализируемых романов (*безнравственный, читать мораль, морализаторствовать*), значительно превышают объём лексем, которые находятся на противоположном полюсе – *мораль, нравственность, нравственный*. Как правило, перевес в сторону негативной составляющей достигается противоречивым соседством литературного языка и сленговой, иногда обценной, лексики, что иллюстрирует не только экспансию неcodифицированного пласта слов в современном русском литературном языке, но и снижение планки нравственно-моральных критериев поведения человека в обществе.

Параграф 2.4. «Репрезентация оценочного компонента в лексике нравственно-морального содержания» посвящен классификации лексики нравственно-морального содержания с позиций категории «оценка».

Оценочный компонент придает лексике нравственно-морального содержания категоричность, свойственную высказываниям в русском языке, однако сигнификативный и прагматический структурные слои лексем могут не совпадать (а иногда полярно отличаться) в различного рода текстовом окружении, что позволяет говорить о переоценке ценностей существующей действительности и возникновении в языке явления энантиосемии в лексике рассматриваемой проблематики.

Тем не менее, анализ словарных дефиниций лексем со значением **«нравственность»**, встречающихся в текстах произведений Сергея Минаева, позволяет говорить о том, что чаще всего употребляются номинативы, в семантической структуре которых содержится негативный компонент оценки. Обоснование этому можно найти в работе Ждановой В.И., которая предполагает, что «во-первых, добро — это норма, стремление к ней, поэтому оно едино; зло — отклонение от нормы и, следовательно, многолико. Во-вторых, человек начинает познавать мир именно с запретов, которые, в отличие от разрешаемых действий, выражены вербально»⁶.

---

⁶ Жданова О.В. Семантическое поле этической оценки в его историческом развитии: на материале русского языка [Электронный ресурс]// Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/semanticheskoe-pole-eticheskoi-otsenki-v-ego-istoricheskom-razviti-i-na-materiale-russkogo-ya> (дата обращения 07.07.2013)

Маркировка оценочности и экспрессивности *«психологически реальных»* значений исследуемых лексических единиц, выражается чаще всего наличием субъективных указаний на непопулярность моральных категорий в современном обществе (*совесть — глупость, то, о чем приходится забывать; порок-недостаток; бескорыстный — вряд ли таких можно встретить; не верим, что способны быть искренними и др.*) или указанием на желательность присутствия у людей тех или иных нравственных качеств (*совесть — то, что должно быть у каждого человека и чем он должен гордиться; совесть надо иметь и др.*).

В **Заключении** подведены итоги проведенного исследования, очерчены перспективы дальнейшего развития проблематики диссертации.

Главным результатом работы считаем мысль о том, что категория **«нравственность»** является основополагающей в лингвокультурологической парадигме русского народа и особенности ее вербализации в текстах современного русскоязычного автора способны фиксировать трансформации в нравственно-моральном состоянии общества в целом и известных его представителей в частности.

Анализ 500 лексем позволил сконструировать ассоциативно-семантическое поле категории «нравственность» в идиостиле Сергея Минаева. Ядром являются ключевые слова-репрезентанты *мораль и нравственность*, которые благодаря окказиональным ассоциациям приобретают новые оттенки значения. Центральными можно считать 2 основные лексические парадигмы: **«душевные качества»** и **«правила поведения»**. На периферии, как показал анализ, находится лексика центральной части, реализующая вторичные семантические признаки (например, *мораль – «назойливое нравоучение»*), либо окказиональные единицы (*духовные тоннели, пьяная искренность*).

В рамках данной работы будет актуальным разграничивать *«системное»* («лексикографическое») и *«психологически реальное»* значения слова, которые у Минаева часто не совпадают. «Психологически реальное» значение представляет собой «упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка»⁷.

Очень часто в контекстном употреблении лексемы, вербализующие **нравственность**, несмотря на классификационную принадлежность к лексике отвлеченной, приобретают качества и свойства вполне конкретных вещественных и исчисляемых понятий, к примеру, в сочетаниях: *копить гнев, бьет волна гнева, поделиться гневом, размещать добродетель, ария*

---

⁷ Попова З.Д., Стернин Н.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток – Запад, 2010. С. 67-68.

добродетели (в форме родительного падежа), *чтение моралей* (в форме множественного числа).

Одной из основных характеристик лексики нравственно-морального содержания в проанализированных текстах является их смысловая градация: нравственное качество может проявляться в большей или меньшей степени, как например, в сочетаниях: *наивысшая степень презрения, слишком наглое, полное неуважение, чересчур вежлив, вежлив до такой степени, настолько любезна, тотально ненавижу*.

Явной особенностью употребления репрезентантов **нравственности** является их вербальная визуализация, то есть внешнее проявление называемых ими характеристик, которые демонстрируются через мимику, жесты, изменения цвета лица и прочее: *лицо выражает добродетель, изобразить раскаяние, не выгляжу искренним, щеки румянятся от мороза и внутреннего тепла, скорчить благостно благодарную рожу, ненавидящим взглядом*.

Главную перспективу исследования составляет дальнейшее рассмотрение категории «**нравственность**» с позиций русского менталитета, свойственного иного рода дискурсам.

Диссертация содержит два приложения. В **Приложении 1** и **2** представлены результаты ассоциативного эксперимента, в таблицах систематизированы реакции на слова-стимулы *мораль* и *нравственность*.

Научные публикации автора по теме диссертации

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ

1. Мубаракшина А.М. Парадигматические отношения лексем со значением «нравственность» // Филология и культура. Philology and culture. 2013. № 4(34). С. 76 – 82.
2. Мубаракшина А.М. Синтагматические отношения лексем со значением «нравственность» // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2014. № 9 (150). С.14 – 19.
3. Мубаракшина А.М. Смысловое поле категории «нравственность» в романах Сергея Минаева // Вестник ВятГГУ. 2015. № 1. С. 118 – 124.

4. Ушакова А.М. Динамика становления лексемы «нравственность» (на материале словарей) // Казанскому педагогическому колледжу – 135 лет: педагогическое наследие и современность: Материалы докладов и выступлений участников межрегиональной научно-практической конференции. – Казань, КПК, 2011. С.73 – 78.

5. Ушакова А.М. Формирование лексемы «нравственность» в русском языке. // Русский язык и литература в тюркоязычном мире: современные концепции и технологии: Материалы Международной научно-практической конференции (Казань, 27-30 июня 2012 г.) / Казан. ун-т; Ин-т филологии и искусств; Каф. рус. яз. и метод. преп.; Под общей редакцией Н.Н. Фаттаховой. - Казань: Отечество, 2012. С. 83 – 87.

6. Мубаракшина А.М. Реализация оценочного компонента в лексике морально-нравственного содержания // Русская и сопоставительная паремиология в Татарстане: истоки развития: Материалы Международной научно-практической конференции (Казань, 17-19 октября 2013 г.) / Казан. ун-т; Ин-т филологии и искусств; Каф. рус. яз. и метод. преп.; Под общей редакцией Н.Н. Фаттаховой. Казань: Изд-во "Печать-Сервис XXI век", 2013. С. 165 – 171.

7. Мубаракшина А.М. Ассоциативное поле лексемы «мораль» в современном русском языке// Актуальные проблемы лингвистики XXI века / Отв.ред. В.Н. Оношко. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2014. С. 57 – 61.

8. Мубаракшина А.М. Мораль: к вопросу дефиниции // Русский язык: лингвокультурный и функционально-дискурсивный аспекты/ Казань, Печать-сервис – XXI. – 2014. С.179 – 185.

9. Мубаракшина А.М. Репрезентация оценочного компонента в структуре художественного концепта «нравственность» в романах Сергея Минаева // Традиции и современное состояние русского языка в Республике Татарстан: Материалы конкурса научно-исследовательских работ студентов, аспирантов, молодых ученых, посвященных традициям и современной языковой культуре русскоязычного населения РТ / под ред. И.В. Ерофеевой. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. С.125 – 130.

10. Мубаракшина А.М. Особенности вербализации категории «нравственность» в романах Сергея Минаева // Новая наука: проблемы и перспективы: Международное научное периодическое издание по итогам Международной научно-практической конференции (4 февраля 2016 г., г. Стерлитамак) / в 3 ч. Ч.2. – Стерлитамак: РИЦ АМИ, 2016. С. 139 – 142.